

Далёкое — близкое

Победившие смерть никогда не умрут

Позавчера исполнилось девятнадцать лет со дня гибели подводной лодки «Комсомолец». Ежегодно 7 апреля моряки-подводники, уцелевшие в катастрофах, собираются в Санкт-Петербургском Николо-Богоявленском соборе на поминальную службу, посвященную памяти погибших товарищей. Внутри собора, в специальном зале на втором этаже, на стенах расположены мраморные доски с названиями затонувших подводных лодок и именами моряков, жизни которых забрала глубина. Там могла быть и фамилия нашего сегодняшнего героя — старшего мичмана запаса Александра Петровича Кожанова, служившего на «Комсомольце» старшиной команды гидроакустиков с 1984 по печально памятный 1989 год. Но ему повезло — неслыханно, неслезанно — Александр Кожанов оказался в числе тех 27 моряков, которым удалось выжить в ледяных водах Норвежского моря. С тех пор 7 апреля для него — святая и священная дата, день, когда он вместе с другими ветеранами неизменно чтит память тех, чья жизнь трагически оборвалась в самом расцвете.

Наш земляк Александр Кожанов — житель поселка Углово. Именно там ему как участнику событий на «Комсомольце» была выделена двухкомнатная квартира. Правда, только через девять лет после этих самых событий. А родился Александр в Ленинграде. Жил с родителями в Московском районе, там же закончил школу № 495. Удивительно, но самая первая подводная лодка, на которой ему довелось служить, называлась К-495. По словам Александра, магия чисел сопровождает его всю жизнь — невероятные совпадения номеров, дат, цифр и прочего словно указывают ему на знаковые моменты жизни. Как вспоминает сам Александр, накануне гибели «Комсомольца» ему приснился отец — как раз в эти апрельские дни была очередная годовщина его смерти. Во сне они гуляли вместе по городу, Александр видел себя подростком. И вдруг отец сказал ему: «Сынок, сегодня многие твои сослуживцы придут ко мне. Но ты пока не торопись...». Все утро старшему мичману Кожанову не давали покоя эти слова, произнесенные давно умершим отцом в его сне. В 11.02 на подводной лодке «Комсомолец» возник крупный пожар.

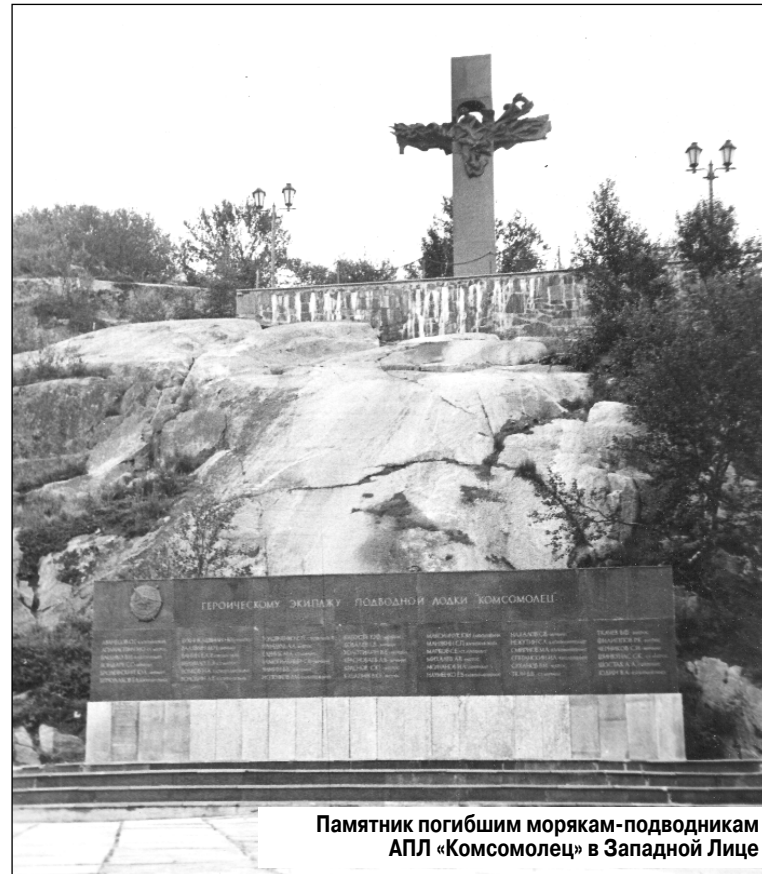
ситуации на подлодке — дело довольно обычное. Это заложено в самом принципе ее конструкции. Например, никому не придет в голову размещать склад боеприпасов, скажем, на бензоколонке. Потому как опасно. А на подводной лодке все рядом, все размещено на относительно небольшой площади — и оружие, и топливо, и жилые отсеки. Так что выучка моряков-подводников всегда находится на высочайшем уровне, позволяющем действовать максимально эффективно практически в любой экстремальной ситуации. Но иногда обстоятельства оказываются сильнее — и выучки, и мужества, и профессионализма. Так и случилось 7 апреля 1989 года.

Первым погиб старший матрос Надари Бухникашвили. Пожар развивался настолько стремительно, что он не успел даже доложить о нем на центральный пост — сколько минут или секунд противостояла огненному натиску одна человеческая жизнь?

В соседнем отсеке до конца сражался с огнем мичман Владимир Колотилин. Именно ему, ценой собственной жизни, удалось остановить лавину огня. Наверное, Володя принял самую мучительную смерть. Порази-

ное плавсредство, намотав на запястье одно из креплений. Но силы были не равны — я, хоть и имел отменное здоровье и недюжинную физическую силу, разумеется, не мог удержать плот весом в несколько тонн. Естественно, через секунду оказался в ледяной воде. Ощущение было такое, что меня окунули в кипяток. Да что там, окунули — погрузили и держали. Какая-то «электрическая» боль пронзала до самого сердца, перекрывала дыхание, мутила рассудок. Но молодость и могучее здоровье победили первый шок. Я смог осмотреться и оценить ситуацию — лодка тонет, плот, развернувшийся в опрокинутом состоянии, вернуть в нормальное положение не было ни времени, ни, честно говоря, сил. Вокруг тонущей лодки и плота плавали мои товарищи.

Моряки, которым удалось взобраться на плот, пытались затащить туда тех, кто находился в ледяной воде. Но это было очень сложно — люди были предельно ослаблены полученными ожогами, отравлением угарными газами и травмами. Тем не менее, плот, рассчитанный на 10 человек, был переполнен, на нем находилось около 20 человек. Теперь страшно вспоми-

Памятник погибшим морякам-подводникам АПЛ «Комсомолец» в Западной Лице

чил сильные ожоги, был перебинтован, бинты разматывались и плыли за ним по воде. Я попытался подтащить его к себе за эти самые бинты, наматывал их на кулак, но онемевшие руки не слушались. Помню, говорил ему: «Держись, сынок!», хотя мне самому тогда не было тридцати. Бинты разматывались, руки слабели, а я все твердил: «Держись, держись». Наконец, удалось подтащить его к себе. Но он уже находился спиной вверх. За волосы поднял его голову, вижу — мертв.

Какие чувства у меня были? Да разные. Порой накатывало отчаяние, одолевала безысходность. Вспоминал семью — маму, жену, доченьку любимую... Но то, что помогло выжить — это злость. Неужели я, молодой, здоровый мужик, вот так, в расцвете сил, отдам свою жизнь этим серым бездушным волнам? Да ни за что! Мне есть для чего и для кого жить! Нет, думал, я продержусь обязательно! Ведь помощь придет — сообщения о катастрофе приняли плавбаза «Алексей Хлобыстов», БИ-612 «ОМА», а также гидрографическое судно «Колгуев». Над нами уже кружили самолеты, летчики сбрасывали нам спасательные плоты. Но воспользоваться ими мы не могли — просто не знали, как они раскрываются.

Когда уже силы практически покинули, чувства подсказали — еще несколько минут, и помощь придет. И действительно, меня подобрала плавбаза «Алексей Хлобыстов». На плавбазе группы капитан-лейтенант Игорь Сперанский. Мы вместе подплыли к плоту. Я его подталкивал сзади, а люди на плоту тащили за воротник. С трудом Сперанский влез на плот. Однако позже, когда волнение усилилось, его смыло волной за борт.

Потом был госпиталь. В госпитале умерли еще двое моих товарищей — вследствие переохлаждения в организме начинаются необратимые процессы...

После окончания лечения в море я уже не ходил. Не потому, что боялся, нет. Я и тогда считал, и сейчас уверен, что бомба дважды в одну и ту же воронку не падает. А вот жена не отпустила, настояла на продолжении служ-

бы на берегу.

Много лет мы с товарищами по службе ежегодно 7 апреля собираемся вместе, чтобы еще раз вспомнить о погибших, о вехах той трагедии.

На нашу встречу Александр принес любовно оформленный фотоальбом, где есть фотографии и самой подлодки, и ярких моментов службы, и конечно, всех членов экипажа. Листая страницы альбома, он о каждом — буквально о каждом своем сослуживце сказал несколько слов. Не позабыл старшим мичманом северного флота ни живые, ни мертвые.

Всего из 69 членов экипажа атомной подводной лодки «Комсомолец» погибло 42 подводника, 27 осталось в живых. Последним поименным списком личного состава атомной подводной лодки «Комсомолец» стал Указ о награждении всех членов экипажа орденом «Красного Знамени».

Экипаж «Комсомольца», расформированный, казалось бы, самым трагическим ходом событий, разломанный страшной бедой на две неравные части, и по сей день остается единым целым. Сколько бы ни прошло лет, экипаж атомной подводной лодки «Комсомолец» — все 69 человек, оставшиеся в живых и погибшие — будет существовать в истории отечественного флота, будет вечно нести свою неоконченную и теперь уже бесконечную вахту. А завершить этот рассказ-воспоминание А.П. Кожанова хотелось бы стихами поэта, моряка-подводника И. Белозерцева:

Поминальным крестом
над судьбою моей
Монумент вознесен у полярных морей.
По гранитной плите,
по фамильно, подряд
Вспомина друзей
нестареющий взгляд.
Девятнадцать в гробах
проводили домой,
Двадцать три океанской
накрыты волной.
И седьмого апреля в трагический час
Завывают гудки в гарнизоне у нас.
Голоси же, сирена! Раздайся салют!
Победившие смерть никогда не умрут:
И в делах, и в мечтах сыновей

и друзей,
И в груди материнской России моей!
Светлана ЗАВАДСКАЯ
Фото из архива
Александра КОЖАНОВА

А. П. Кожанов (средний во втором ряду) с сослуживцами

Старший мичман А. П. Кожанов во время службы на «Комсомольце»

Мы не будем восстанавливать хронику трагедии — это сделано давно. По минутам расписаны те семь с небольшим часов, в течение которых экипаж «Комсомольца» боролся за спасение лодки, а потом и за собственные жизни. Как тушили пожары в отсеках, как глушили реактор, как оказывали помощь пострадавшим и выводили часть экипажа, не занятого «борьбой за живучесть» судна, в надстройку, как взорвались кормовые отсеки и подводная лодка начала тонуть, — об этом написаны десятки статей, сняты телепередачи и фильмы. В канун очередной годовщины гибели «Комсомольца» мы встретились с Александром Петровичем Кожановым, непосредственным участником событий, и попросили его рассказать о том, что чувствует человек, находясь на грани жизни и смерти, человек, обремененный чувством долга и ответственности за жизни других людей.

- Нужно сказать, что нештатные

тельно, что в это роковое плавание вместо него должен был пойти совсем другой человек, но в последний момент случилось так, что именно Колотилин принял на себя удар чужой судьбы. А может быть, и не чужой — те, кто знал его близко, говорили, что Владимир Колотилин был рожден для того, чтобы, когда понадобится, пожертвовать собой.

Когда был отдан приказ об эвакуации, я находился в первом отсеке. Около половины пятого мы услышали взрывы в кормовых отсеках, после чего подводная лодка получила дифферент на корму, который быстро увеличивался. Проще говоря, мы стали стремительно тонуть, уходя в воду под углом. Стали извлекать плоты из контейнеров. Один успели вытащить и привести в рабочее состояние. Но резким порывом ветра плот был переброшен через корпус подводной лодки на правый борт и опрокинут. А вместе с ним и я, так как пытался удержать спаситель-